

Речевые деликты в контексте современных реалий

Е. В. Алымова

*Астраханский филиал ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
Кр. Набережная, 7, 414000, Астрахань, Россия. E-mail: lingexpert@mail.ru*

В представленной статье рассматривается ряд проблем, связанных с толкованием и применением определенных видов речевых деликтов. В частности, приводится мнение автора о толковании понятия «иная, противоречащая нормам морали и нравственности форма», о разграничении мнения и утверждения в рамках публикаций в интернет-блогах. Автор высказывает мнение о необходимости учета контекста размещения публикации при определении интенции автора спорного текста, приводит примеры из собственной практики, а также подчеркивает необходимость объединения лингвистических знаний для устранения имеющихся расхождений в толковании используемых понятий. В публикации приводятся примеры из личного опыта работы автора в качестве судебного эксперта-лингвиста.

Ключевые слова: речевые деликты, речевые преступления, оскорбление, клевета, фейки.

Speech Torts in the Context of Modern Realities

E. V. Alymova

*Saratov State Law Academy (Astrakhan branch)
7 Krasnaya Naberezhnaya, 414000, Astrakhan, Russia. E-mail: lingexpert@mail.ru*

The article discusses a number of problems related to the interpretation and application of certain types of speech torts. In particular, the author's opinion is given on the interpretation of the concept of "another form that contradicts the norms of morality and ethics", on the differentiation between opinions and statements as parts of publications in Internet blogs. The author expresses the opinion on the necessity of taking into account the context of publication placement when determining the intention of the author of a controversial text, gives examples from personal work experience, and also emphasizes the need of unifying linguistic knowledge to eliminate existing discrepancies in the interpretation of the concepts used. The paper provides examples from the author's personal experience as a forensic linguist.

Key words: speech torts, speech crimes, insult, slander, fakes.

Понятие речевого деликта не ново, но именно в современных реалиях оно значительно увеличилось в объеме, впитав в себя огромный пласт продуктов речевой деятельности, направленных на причинение вреда личности, обществу или государству вербальными средствами, за которыми следует определенное наказание, предусмотренное действующим законодательством.

К основным речевым деликтам относятся:

- оскорбление (личности, представителей власти, чувств верующих, государства и государственного символа и т. д.);
- клевета (унижение чести и достоинства физических лиц, а также умаление деловой репутации юридических лиц);
- угроза жизни и здоровью;
- публичные призывы к экстремистской деятельности;
- разжигание ненависти и вражды по признаку расы, нации, религии, пола;
- фейки.

Вместе с тем к речевым преступлениям можно отнести и другие диспозиции норм УК РФ, указывающие на вербальный характер совершения преступления:

- доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз <...> или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего;
- незаконное собиране или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо распространение этих сведений в публичном выступлении;

- незаконное распространение в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях информации, указывающей на личность несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, по уголовному делу, либо информации, содержащей описание полученных им в связи с преступлением физических или нравственных страданий;

- вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещаний, обмана, угроз;
- вымогательство, то есть требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких;
- заведомо ложное показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод;
- заведомо ложный донос о совершении преступления.

Текущие реалии (социальной жизни, политики, в том числе в контексте мировых событий) всегда влияли на распространение одних речевых деликтов и «ослабление» других. На сегодняшний день мы можем уверенно говорить о том, что понятие «фейк-ньюз» стало доминирующим, отодвинув на второй план оскорбления и клевету. Слово «фейк» сейчас знакомо всем, даже людям, далеким от юриспруденции и углубленных лингвистических знаний. Вместе с тем зачастую понятие «фейк» подменяется понятием «клевета», а понятие «оскорбление» используется применительно к ситуациям, когда речь идет об обиде.

И если вопросы фейкинга для лингвистов «закрываются» благодаря Е. И. Галяшиной и ее научно-практическому пособию «Фейковизация как средство информационной войны в интернет-медиа» [Галяшина 2023], то ряд вопросов, связанных с категориями «оскорбление» и «клевета», остаются открытыми.

Как разграничить обиду и оскорбление? Что относится к категории «неприличная форма», а что подразумевается под формулировкой «и иной, противоречащей нормам морали и нравственности форме»? Где граница между мнением и скрытым утверждением о факте? Все это вызывает споры и отсутствие у правоприменителей единого решения по одному и тому же вопросу.

Вместе с тем важно отметить, что несправедливое, по мнению гражданина, причинение ему огорчения путем использования неким лицом неприятных и незаслуженных слов и фраз, не имеющих при этом неприличной формы выражения, будет являться обидой. Оскорбление же есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в «неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме» (статья 5.61 КоАП РФ).

На наш взгляд, в данном случае законодатель путем внесения изменений в ст. 5.61 КоАП разграничил вербальное и невербальное оскорбление:

- вербальное – с помощью слов, выраженных в неприличной форме;
- невербальное – посредством иных несловесных форм, которые противоречат общепринятым нормам морали и нравственности – при помощи жестов, символов, рисунков/картинки, действия (например, плевок, обнажение частей тела) и т. д.

Важно так же обратить внимание, что в настоящее время многие ошибочно, на наш взгляд, относят к появившейся добавочной формулировке («иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме») весь пласт лексики, которая, не являясь неприличной, является, по их мнению, непринятой в обществе. Такая позиция ошибочна, поскольку существует разница между формой выражения и содержанием слова. Слово представляет собой структурно-семантическую, двустороннюю единицу языка, обладающую формой (планом выражения) и значением (планом содержания). План выражения именуют также означающим, а план содержания – означаемым. Форма слова имеет фонетическое (графическое) и морфологическое выражение. В устной речи она представлена комплексом звуков, в письменной речи – буквами.

Если оскорбительное по содержанию выражение имеет литературную или разговорную форму выражения, эта форма не может быть признана неприличной, она остается в разряде нормативной лексики. В этом случае истца может оскорблять содержание, но не форма. Использование нормативной лексики в негативных высказываниях не подлежит правовому регулированию, так как не входит в пласт неприличной формы.

Еще исторически сложилось, что людей приучали отвечать за свои слова. Так, например, ряд статей об оскорблении содержится в церковном Уставе князя Ярослава. Здесь впервые упоминается оскорбление словом. В Уставе Ярослава за оскорбление женщины позорным словом предусматривалось наказание в виде штрафа. Размер штрафа зависел от социального положения потерпевшей и варьировался от пяти гривен золотом за оскорбление боярской жены до одной гривны серебром за оскорбление жены сельского жителя [Чистякова 1984: 169]. Кроме уплаты потерпевшей такая же сумма причиталась епископу.

Новгородская судная грамота «ссылается на другие, нам неизвестные грамоты, из коих явствует... что истец и ответчик подвергались тяжкому взысканию, если беззаконно обносили друг друга или судей...» [Карамзин 1993: 156]. Таким образом, можно говорить, что впервые оскорбление судьи и участников процесса было упомянуто в Новгородской судной грамоте.

Положение об оскорблении словом, именуемое «лаем», содержится в Двинской уставной грамоте. Так, в ст. 2 говорится: «...а кто излает боярина, или до крови ударит, или на нем синевы будут, и наместницы судят ему по его отчеству бесчестие; тако ж и слuze» [Горский 1985: 181]. Данная норма защищает честь бояр и их слуг.

Соборное уложение 1649 г. содержит ряд статей, предусматривающих ответственность за клевету и оскорбление.

В гл. II Уложения нет специальной статьи об оскорблении чести царя, но сама глава называется «О государственной чести». В статьях 99, 105 гл. X Уложения говорится об оскорблении «непригожим словом», но что это значит – не сказано. Под «непригожим словом» понималось вообще словесное оскорбление, направленное против чести любого человека, вплоть до государя.

В народной традиции и литературе древних времен запрет на матерную брань связывался с представлением о том, что матерщина оскорбляет мать сыру землю, Богородицу и родную мать человека.

«Кроме того, русская матерщина использовалась часто в качестве оберега (то есть заклинания от злых духов), спасающего человека от болезней и бед. В языческие времена (да и позднее) на Руси с помощью непристойных слов и выражений изгоняли из дома разную нечисть, спасали скот от бесплодия, а поля и пашни – от засухи. Слова эти назывались «черными», и в этом названии сближались понятия «черноты» и черта (в старом значении «проклятый»). Буквально «черные слова» – это выражения с упоминанием черта (слово черт здесь заменяется – из суеверного страха – созвучным прилагательным черный). Попусту такими «черными словами» не разбрасывались: боялись накликать беду и на себя, и на близких – ведь слово-то имело свойство «воплощаться»! Поэтому, избегая слова черт, говорили, например: шут с тобой, ну тебя к шутам, пошел бы ты подальше и т. п.» [Рогозина 2008: 14].

Ритуальная брань сопровождала свадебный русский обряд. Дело дошло до того, что в 1648 году появился царский указ, предписывающий, чтобы «на браках песней бесовских не пели и никаких срамных слов не говорили».

Но еще долго на Руси звучала ритуальная брань на таких народных праздниках, как Масленица, Троица или день Ивана Купала, – как отголосок древних языческих нравов и поверий.

В своей экспертной практике автору статьи довелось столкнуться с лексемой «подлец», которая вызвала полемику при рассмотрении дела по существу. Так, находясь в репетиционном зале филармонии, гражданин Н. употребил в адрес артиста балета И. слово «подлец», которое, по мнению районной прокуратуры, является «неприличным, противоречащим сложившимся в обществе представлениям о моральных стандартах межличностного общения (этикета) и иной характеристики потерпевшего, носящий неодобрительный характер». При формировании своих выводов прокуратура использовала толковые словари С. И. Ожегова и В. И. Даля, которые, как указано в обвинительном заключении: «указывают, что слово "подлец" употребляется как ругательство, обозначающее следующее: "Подлец" – низкий в нравственном отношении, бесчестный». По мнению прокуратуры, «гражданин Н. унижил честь и достоинство потерпевшего И. в неприличной форме, то есть откровенно циничной, поскольку употребление данного слова нельзя считать принятой в обществе манере общения между людьми».

В этой ситуации нужно отметить, что слово «подлец» по словарным определениям изначально вообще не несло в себе негативного оттенка значения, так как означало тех, кто находился «подле», то есть рядом, возле кого-то. Так называли крестьян, которые живут подле своих господ, не имеют воли, являются дворовыми людьми: «из черни, темного, низкого рода-племени, из рабов, холопов, крепостного сословья» [Даль 1863-1866].

Д. Н. Ушаков (составитель словаря) уточняет, что раньше слово употреблялось как термин, без бранного оттенка, в значении «принадлежащий к крестьянскому, податному сословию». Слово «подлый» лишь подчеркивало несвободный, низкий статус людей, находящихся в зависимости. Уже в XVIII веке «подлец» обретает ярко выраженную негативную окраску и второе значение.

Позднее словари начали определять слово «подлец» как имеющее негативные коннотации, и некоторые из них содержали помету «бранное», что, тем не менее, не является неприличной формой выражения.

ПОДЛЕЦ, á, м. (разг. бран.). Низкий, подлый человек. Пафнутьев, подлец, подгадил. Тургенев. Я тебе, подлецу, сейчас оплеуху дам. Чехов (Словарь Ушакова Д. Н.).

При этом авторы-составители Словаря Ушакова Д. Н. уточнили: «Согласно намеченной задаче словаря, в него, как правило, не входят некоторые категории слов. Так, за некоторыми исключениями не входят большинство неприличных слов» (см. т. 1, с. 22). Для них в словаре существует помета (вульг.) («т.е. вульгарное, означает: по своей бесцеремонности и грубости неудобно для литературного употребления»), которая сопровождает в Словаре Ушакова Д.Н. более полутысячи лексических единиц, в число которых не входит лексема «подлец».

ПОДЛЕЦ, -а, муж. Подлый человек, негодяй. Подлецу руки не подам (Толковый словарь Ожегова С. И.).

Более того «Словарь русского языка» С. И. Ожегова во вступительной статье предупреждает читателей о том, что «в соответствии с задачами словаря в него, как правило, не помещаются слова с явно выраженным грубым оттенком». В том же словаре С. И. Ожегова лексема «подлец» не имеет каких-либо помет, хотя в него и включены 29 единиц, имеющих помету «бран.», например такие слова, как «балда», «на кой черт», «голова садовая», «дубина стоеросовая». Следовательно, сама по себе помета «бран.» не характеризует циничную или неприличную форму слова.

ПОДЛЕЦ – см. подлый. ПОДЛЫЙ, низкий, исподний, последнего качества, плохого разбора; | о человеке, сослови: из черни, темного, низкого рода-племени, из рабов, холопов, крепостного сословья (Словарь Даля В.И.).

Словарь В. И. Даля вообще не сопровождает лексему «подлец» какими-либо пометами. Поскольку Словарь предусматривает пометы «унизит.», «презрит.», «пошлов.», которые относятся к словам, употребленным в неприличной (циничной) форме, то очевидно, что лексема «подлец» не соотносится автором словаря с данной категорией слов.

Для слов, относящихся к категории употребленных в неприличной, циничной форме, характеризующей непринятую в обществе манеру общения, в словарях предусмотрены специальные пометы: «неценз.», «обсц.»,

«неприл.», «вульг.», «вульг.- прост.». Подобных помет ни один из словарей в отношении слова «подлец» не содержит.

А уже в современных словарях, которые на данном этапе наиболее показательны отражают значение слов в современных реалиях, прослеживается узуальное изменение значения слова от бранного к разговорно-сниженному и даже применяемому в положительном контексте.

Так, по Толковому словарю Т. Ф. Ефремовой:

ПОДЛЕЦ м. разг.-сниж. Подлый человек; негодяй.

Лексема имеет помету «разговорно-сниженная» лексика, то есть лексика, употребление которой допускается в ситуации разговорно-бытового общения.

Толковый словарь С. А. Кузнецова в своей словарной дефиниции содержит помету «фамильярно» и приводит еще один оттенок значения:

ПОДЛЕЦ – О любом (обычно близком, дорогом) человеке, о животном. Ишь ты – нос у подльца отцовский!

Но в лингвистической экспертиологии известно, что «...словари неизбежно отстают от узуса, поэтому эксперт не может ограничиваться словарным толкованием. Он обязательно должен учитывать и проверять современное употребление исследуемой единицы» [Кукушкина 2011: 114].

Для лингво-юридического аспекта исследования дефиниции «подлец» важен следующий аспект анализа: понятия «приличие/неприличие» лежат в морально-этической плоскости общественного сознания, а не в лингвистической. Поэтому классификация лексики и фразеологии на приличную и неприличную носит именно морально-этический характер. Морально-этический анализ словоупотребления должен основываться на объективном лексико-семантическом, то есть собственно лингвистическом анализе. Известно, что в лингвистике лексика и фразеология делятся на нормативную (допустимую как в устной, так и в письменной речи, в публичном общении, СМИ) и ненормативную (находящуюся за пределами норм литературного языка, которая рассматривается обществом как недопустимая в публичном употреблении, в средствах массовой информации). Следовательно, основное различие нормативной и ненормативной лексики – в допустимости ее публичного использования: нормативная допустима, ненормативная недопустима в публичном употреблении.

Говоря о том, относится ли на современном этапе становления речевой культуры то или иное слово к категории неприличных или к категории слов, употребление которых осуждается в обществе по моральным и нравственным причинам, лексикографы и лингвисты обращаются, в том числе, и к речам руководителей страны. В своих выступлениях первые лица страны всегда используют слова и выражения, допустимые с точки зрения закона и норм этики.

Так, например, слово «подлец», как показал проведенный анализ, встречается в речах ведущих политических деятелей страны:

- Вячеслав Володин, Председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва: «Навальный – бесстыдник и подлец. Владимир Путин спас его жизнь. Если то, что с ним случилось, было срежиссировано спецслужбами западных государств – тогда его заявление укладывается в эту логику».

- Геннадий Зюганов, Председатель ЦК КПРФ, руководитель фракции КПРФ в Госдуме ФС РФ, в интервью журналистам назвал работников Первого канала «подлецами» и «некультурными людьми» по причине того, что они не осветили мероприятие с участием коммунистов в Казани к 100-летию СССР: «Подлецы и некультурные люди! ... Мы вас приглашали ... вы не уважаете народные традиции. Я поражен. Потрясающее невежество!»

Таким образом, на современном этапе становления русского языка слово «подлец» относится к нормативной, то есть допустимой в публичном употреблении лексике, а следовательно не имеет неприличной формы выражения, и, будучи выраженным вербально (то есть словом), не употреблено в иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме (то есть не передано графически или с помощью иллюстрирующих жестов, употребление которых осуждается в обществе, так как такая форма не соответствует нормам морали и нравственности). И такая позиция убедила суд, выносивший решение по вышеупомянутому делу гражданина Н., больше, чем позиция районного прокурора.

Говоря о проблеме разграничения мнения и утверждения в рамках разговора о таком речевом деликте, как клевета, важно, на наш взгляд, обратиться к тезисам представителей Гильдии экспертов-лингвистов по информационным и документационным спорам: «Маркеры мнения, используемые при оформлении оценочных суждений и выводов, являющихся голословными (при отсутствии сведений о фактических обстоятельствах, на которые эти оценки и выводы опираются), такие как «существует устойчивое мнение», «существует мнение», «считается», «ходят слухи» и т. п., на самом деле должны прочитываться как авторское «считаю доказанным», «мне достоверно известно». Соответствующие положения нашли свое отражение в практике Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), который считает, что от издателей можно требовать демонстрации наличия у них достаточных фактических оснований в поддержку высказанного мнения. Так, в деле «Джерусалем против Австрии» для защиты оценочного суждения от обвинений в диффамации ЕСПЧ потребовал наличия минимальной фактической основы: «Суд напоминает далее, что даже в случае, когда утверждение сводится к оценочному суждению, пропорциональность вмешательства может зависеть от того, существует ли достаточное фактическое основание для опровергаемого утверждения, поскольку даже оценочное суждение, не имеющее под собой никакой фактической основы, может быть чрезмерным». Эта позиция была изложена ЕСПЧ и в более ранних постановлениях, таких как «Де Хаас и Гийселс против Бельгии»: «Если взглянуть на вещи в контексте данного дела, то обвинения, о которых идет речь, представляют собой не более чем мнения, истинность которых нельзя доказать по определению. Такие мнения

могут быть преувеличенными и чрезмерными, в особенности при отсутствии какой-либо фактической основы...» [Горбаневский 2002].

В современных реалиях, когда речевые деликты совершаются в виртуальном пространстве, важно, на наш взгляд, учитывать и сопутствующий контекст (в частности, ту площадку, на которой те или иные сведения публикуются).

Приведем пример из практики: гражданин Т. приобрел в одном из автосалонов раритетный автомобиль, который, согласно договору купли-продажи, был восстановлен дилером. Позднее в автосервисе гражданин Т. совместно со специалистами обнаружил, что восстановления по факту произведено не было, а все дефекты были скрыты под большим слоем мастики. Гражданин Т. описал эту ситуацию (естественно, не преминув указать на то, что продавец (ООО «М.») обманул его и посему является мошенником) в своем блоге на портале автолюбителей, где предусмотрена форма обратной связи и каждый из читателей блога может высказать свое мнение. Имел ли право гражданин Т. высказывать свое негативное мнение о продавце в своем блоге, сопровождая свои высказывания фотоматериалами, подтверждающими факт введения его в заблуждение? Суд постановил, что не имел, и привлек гражданина Т. к ответственности за распространение сведений, не соответствующих действительности и порочащих деловую репутацию ООО «М.».

В свою очередь, отметим, что на сегодняшний день, наверное, самой распространенной интернет-площадкой, которая порождает дела по речевым деликтам, является личный блог. Особенность дискурса блогов в целом такова, что автор публикует свое мнение о явлении, событии, людях и т. д. Это обстоятельство предопределяет общую модальность текстов, порождаемых в рассматриваемой речевой среде. И здесь встает вопрос – можно ли, при дифференциации негативной информации (в рамках дел о клевете), все написанное в блоге рассматривать как выражение мнения – субъективной, личной точки зрения (мнения) и отношения к сложившейся ситуации? И этот спорный момент до сих пор остается дискуссионным.

При этом важно отметить, что жанр блога предполагает вербализацию сообщаемой информации таким способом, чтобы оказать эмоциональное воздействие на читателей, что уже заложено особенностями дискурса. Поэтому многие речевые конструкции сами по себе будут являться выражением речевой эмоции, которая может оказаться обидной, но при этом не являться оскорблением в истинном значении данного слова. Цель сообщения в блоге – донесение собственного мнения и оценки события (хоть и в формате утвердительных предложений) до читателей с последующей дискуссией по проблеме в форме комментариев, где каждый имеет возможность либо разделить позицию автора, либо высказать свое отличающееся мнение.

Если мы говорим о размещении той или иной спорной публикации на интернет-ресурсе (новостном портале, тематической группе, интернет-портале и т. д.), обязательному исследованию, на наш взгляд, подлежит и графическое оформление текста, определение расположения его частей в пространстве интернет-ресурса, изучение хештегов и заголовков разделов, в которых размещена публикация, сопутствующие креолизованные тексты. При этом по наличию комментариев и их содержанию можно сделать вывод о том, достигла ли интенция автора (в случае возможности ее установления) своей конечной цели.

В качестве примера из практики приведем случай, когда ответчик утверждал, что не имел интенции дискредитировать организацию, заметку о которой он разместил на тематическом портале, и не сообщал никакой негативной информации о ней, а всего лишь сообщил, что продукцию организации проверяли сотрудники контролирующего ведомства. Однако изучение макроконтекста показало, что свою публикацию автор сопровождал хештегом #недобросовестные производители и рисунком, изображающим последствия потребления некачественной продукции, что позволило сделать вывод о передаче читателям негативной информации об организации.

В заключение следует отметить, что события последних лет серьезным образом отразились на языке и коммуникации людей, активизировавшихся в сети интернет. Граждане стали более активно общаться в комментариях под всевозможными постами и заметками, высказывать свое негодование сложившимися обстоятельствами, порождая всевозможные речевые деликты. А поскольку органы, формирующие обвинение, и суды, выносящие решения, не имеют специальных лингвистических знаний, будучи вынужденными при этом трактовать те или иные языковые явления, перед экспертами-лингвистами стоит важная задача – обсудить и свести к минимуму возможность неправильного толкования тех или иных языковых проявлений и формулировок, внося свой вклад в объективное разбирательство по делам о речевых деликтах.

Литература

<http://duma.gov.ru/news/49632/>.

Галяшина Е. И. Фейковизация как средство информационной войны в интернет-медиа : научно-практическое пособие / Е. И. Галяшина, В. Д. Никишин, К. М. Богатырев, Е. Г. Пфейфер. М., 2023.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб., 1863-1866.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 5-8. Калуга, 1993.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023).

Кукушкина О. В. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму : методическое издание / О. В. Кукушкина, Ю. А. Сафонова,

Т. Н. Секераж. М., 2011.

Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ/ Сост. Ю. А. Бельчиков, М. В. Горбаневский, И. В. Жарков. М., 2010.

Рогозина, Е. К. О сквернословии / Сервис в России и за рубежом. – 2008. – № 4(9). – С. 14.

Российское законодательство X-XX веков : в 9-ти томах / под общей редакцией доктора юридических наук, профессора О. И. Чистякова. М., 1984. Т. 1: Законодательство Древней Руси.

Российское законодательство X-XX веков : в 9-ти томах / под общей редакцией доктора юридических наук, профессора О. И. Чистякова. М., 1984. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства. 1985.

Современный толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2003.

Толковый словарь Ожегова. / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 1949-1992.

Толковый словарь русского языка / под редакцией Д. Н. Ушакова. М., 1935-1940.

Цена слова : из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / [авт.-сост. А. Н. Баранов и др.]. 3-е изд., испр. и доп. М, 2002.

References

Dal', V. I. (1863-1866). Explanatory dictionary of the living Great Russian language: In 4 volumes. St. Petersburg (in Russian).

Efremova, T. F. (2000). New dictionary of the Russian language. Explanatory derivational. Moscow (in Russian).

Explanatory dictionary of Ozhegov (1949-1992). Ed. S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. Moscow (in Russian).

Explanatory dictionary of the Russian language (1935-1940). Edited by D. N. Ushakov (in Russian).

Galyashina, E. I. (2023). Faking as a means of information warfare in Internet media: a scientific and practical guide / E. I.

Galyashina, V. D. Nikishin, K. M. Bogatyrev, E. G. Pfeifer. Moscow (in Russian).

<http://duma.gov.ru/news/49632/> (in Russian).

Karamzin, N. M. (1993). History of the Russian State. Vol. 5-8. Kaluga (in Russian).

Kukushkina, O. V. (2011). Theoretical and methodological foundations of forensic psychological and linguistic expertise of texts on cases related to countering extremism : methodical edition / O. V. Kukushkina, Yu. A. Safonova, T. N. Sekerazh. Moscow (in Russian).

Methodological recommendations on the issues of linguistic expertise of controversial media texts (2010). Comp.

Yu. A. Belchikov, M. V. Gorbanevsky, I. V. Zharkov. Moscow (in Russian).

Modern explanatory dictionary of the Russian language (2003). Edited by S. A. Kuznetsov. St. Petersburg (in Russian).

Rogozina, E. K. (2008). On profanity. Service in Russia and abroad, 4(9), 14 (in Russian).

Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 volumes / under the general editorship of Doctor of Law, Professor O. I. Chistyakov. (1984). Vol. 1: Legislation of Ancient Russia. Moscow (in Russian).

Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 volumes / under the general editorship of Doctor of Law, Professor O. I. Chistyakov. (1985). Vol. 2: Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state. Moscow (in Russian).

The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 N 195-FZ (as amended on 29.12.2022) (with amendments and additions, intro. effective from 11.01.2023) (in Russian).

The price of a word : from the practice of linguistic expertise of media texts in lawsuits to protect honor, dignity and business reputation (2002). Auth.- comp. A. N. Baranov et al. 3rd ed., corr. and add. Moscow (in Russian).

Citation:

Алымова Е. В. Речевые деликты в контексте современных реалий // Юрислингвистика. – 2023. – 27. – С. 124-129.

Alymova E. V. (2023). Speech Torts in the Context of Modern Realities. Legal Linguistics, 27, 124–129.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License